

МОЙ ДОБРЫЙ СТРАХ

Местечко на реке Каркар, где мы подростками купались с утра до вечера, называлось Прпур. Сама природа сотворила в русле реки каменный бассейнчик с гладкими базальтовыми стенами. Огромная скала запрудила реку, и вода с шумом падала с ее вершины, образуя пурпурную пену.

Соревновались в нырянии. Кто дольше останется под водой, тот выиграет. Однажды, ползая с открытыми глазами по илистому дну Прпура, я обнаружил в стене расщелину. Пролез туда, извиваясь, как змея, чуть приподнял голову, и она оказалась над поверхностью воды. Пещерка. Едва можно в ней поместиться. Каменный гробик, поставленный на попа. Я нащупал ногами щель и опять змеей выбрался из гроба. Меня осенила идея.

Во всем нашем маленьком Степанакерте в послевоенную пору, кажется, только у Шириняна Эдмонда были часы. Как сейчас помню, цифры на циферблате римские. Правда, обладатель единственных часов не умел плавать и потому никогда не ходил с нами на речку. И мне стоило немалых трудов уговорить одноклассника пойти с нами на Прпур. Обещал ему, что научу плавать. Только бы он притащил с собой «римские» часы. Нужно устроить соревнования по нырянию. Обещал Эдмонду, что во время соревнования он будет в центре всеобщего внимания. Он будет засекает время, выкрикивать результаты. Так что пацаны будут смотреть только на него. И Эдмонд согласился.

На речку мы обычно отправлялись утром. Перед купанием лакомились тузовыми ягодами. Рядом с Прпуром находился тузовый сад. Сад Николая. Говорили, что так он назывался в честь самого русского царя. Причем даже Николая Первого. Навешись ягод, ватага спешила к каменному бассейнчику. Долго раздавался из ущелья гомон, пока, намаявшись, ребята не устраивались на полированных камнях загорать. В тот день Эдмонд среди нас выглядел белой вороной. Рядом с загорелы-

ми сверстниками его белая кожа казалась покрашенной белилами, которые даже не развели в олифе.

Эдмонд сам предложил устроить соревнования. Он сказал, что по его часам можно будет точно узнать, кто какое место займет. Пацаны согласились.

Один за другим мальчишки выходили из воды и всякий раз, словно сговорившись, переспрашивали у Эдмонда: «Сколько, сколько?» Дело в том, что наш белокожий арбитр называл цифры в тот самый момент, когда голова ныряльщика показывалась из воды. И никто не мог сразу расслышать. Опять же по договоренности, я залез в воду последним. Уже были известны рекорды. Григорян Ким и Арутюнян Юрий показали одинаковое время: одна минута двадцать шесть секунд.

Я пролез в щель, вытянулся и начал лихорадочно дышать. Я все думал о том, что нельзя перебарщивать. Но с другой стороны, боялся не дотянуть до рекорда Кима и Юрия. Хотел прислушаться к голосам, но в ушах стоял только грохот водопада. Зная, что выходить можно только ногами, начал нашаривать выход. Найдя щель, я довольно быстро добрался до центра бассейна, передвигаясь под водой так, чтобы меня можно было видеть с берега. И разом выпрямился.

Эдмонд молчал. Молчали загорелые зрители. В голове мелькнуло: или очень переборщил, или показал детский результат. Чтобы выглядеть естественнее, я заорал на одноклассника, у которого плечи покраснели так, словно он был в красном галстуке.

— Я победил: две минуты три секунды.

Вечером весь наш город знал о рекорде. В одночасье я стал самым популярным человеком в городе, где завоевать хоть маленькую известность совсем не легко. Слух дошел до моего деда, который, к счастью, не придал ему значения. Иначе я просто погорел бы. Ведь я никогда не врал деду.

А молва тем временем росла и росла. Теперь уже весь город говорил о Прпуре. На речку ходили не только завсегда-таи. Все жаждали своими глазами взглянуть на циферблат Эдмонда Шириняна, который в те дни тоже стал популярным человеком.

Погрузившись в воду, я начал про себя считать секунды. Накануне даже тренировался дома, задерживал дыхание почти на полторы минуты. Считал по пульсу, который, как говорили в школе, доходит до шестидесяти-семидесяти ударов в минуту. Пролез я довольно ловко в щель — и словно кто ударил меня по

голове. Вернулся обратно на середину бассейна. Все считал и считал про себя. Казалось, вот-вот лопнут легкие. Наконец, я вылетел пулей из воды. Эдмонд как-то без энтузиазма, словно не веря собственным глазам, выдавил:

— Ровно минута тридцать секунд.

Бог мой, что тут было! Какое разочарование! Кто-то хихикнул, кто-то громко заржал. Я побил рекорд Кима и Юрия, в ответ — разочарование. Надо было спасать положение. Долго не раздумывая, я бросился в воду, с каменного выступа, откуда мы совершали наши прыжки. Крикнул Шириняну: «Засакай! И гляди в оба!»

В каменном гробу я почувствовал, что с каждой минутой стены, словно взяв меня в тиски, сжимают со всех сторон. Сначала я упорно вел счет, а затем перестал: был уверен, что уже больше пяти минут нахожусь в пещерке. Теперь должен быть обязательно фурор. Еще подождав немного, начал, как всегда, шарить ногами. Искал щель. Но ничего у меня не выходило. Тогда я еще не знал, что перепуганные насмерть ребята бросились в воду. Они искали меня. Разворошили все дно, приподнимали даже камни, которых было так много на дне. А кто-то, приподняв огромный камень, словно я мог, как рак, оказаться под ним, сдвинул его с места. И не просто сдвинул, а приставил к щели.

Я понял, что мне никак не сдвинуть с места камень. Слишком неудобно шевелить ногами. Я же находился в каменном гробу, в нелепой позе. Выпрямиться было невозможно. При чем стоило чуть вытянуться, как голова касалась каменного потолка пещеры. Я начал кричать, хотя понимал, что это совершенно бесполезно. Глухие звуки никак не смогли бы заглушить рев водопада.

Нет надобности рассказывать о том, что происходило у нас дома. Это, как говорится, отдельная тема. Хочу поговорить сегодня о другом. О страхе. О том, как он многолик, один непохож на другой. Бывает страх... страшный. А бывает, пусть никто не удивляется, добрый, человечный.

Я затрудняюсь дать оценку страху, который одолевал меня в каменном стоячем гробу. Если встретишь волка, то можно, в конце концов, рассчитывать на удачу. Нет ножа, палка найдется, камень. Словом, что-нибудь подвернется. А тут было совсем другое. Бездна. Безысходность. Обреченность. И самое главное — кричать бесполезно. Человек кричит для того, чтобы его слышал другой, иначе смысла нет горло драть.

Через некоторое время я начисто утерять чувство времени. В крошечной темноте уже непонятно было — день или ночь на дворе. К тому же несколько раз я ухитрился вздремнуть: не то от страха, не то от усталости. А потом наступило самое невероятное: привыкание к страху, к реальной близости смерти. Удивительно, но мне очень хотелось погрузиться в воду. Захлебнуться. Утонуть. Что угодно, только не торчать в камне. По самый пупок в воде. Ноги онемели. Вдруг почувствовал, что погружаюсь в воду. Словно исполнилось мое желание. Вода уже дошла до самой груди. Подступила к горлу. Я стал вытягиваться, но, как прежде, доставал головой до шершавого каменного потолка. Я не понимал, что происходит. Гроб медленно наполнялся водой. Еще чуть-чуть — и уровень ее дойдет до самого верха. Я уже касался лицом потолка. Уже вот-вот вода зальет рот, нос, но неожиданно холодный воздух обжег шею, грудь. Страх стекал с меня, как вода. И мне стало хорошо. Я был даже счастлив в тот миг. Черт с ним, пусть снова буду дрожать, но только чтоб вода больше не поднималась. Не знал я тогда, что Каркар разбушевался от проливного дождя и селевых потоков, которые устремлялись с гор. Пошарив пятками, я обнаружил спасательную щель. Бурным течением воды унесло валун, ставший крышкой моего каменного гроба.

Прпур принял меня недружелюбно. Таким я его не знал. Весь разъяренный, орущий, ревуший. Ох, если бы видели ребята, с какой скоростью меня несло! Все бы рекорды побил. Но ребят не было. Ничего не было, кроме рева Каркара и темного неба. Не было со мной даже страха, в который я успел вжиться. Я даже не боялся, что вода может бросить меня на какой-нибудь камень. После каменного бассейнчика река разлилась широко. Я успел встать на ноги, по которым колотило мелкой галькой. Подполз на четвереньках к берегу и пошел домой.

Шел босиком, в одних плавках. Шел по мокрой траве домой, оставив в каменном гробу мой страх. Мне было легко и хорошо. Я шел по предутренней прохладе, не зная, что в жизни еще не раз мне встретится этот самый страх, от которого тогда так быстро отделался.

* * *

...Когда за кормой остались десятки тысяч километров, когда газеты и радио рассказывали подробности наших переходов на самодельных лодках, тогда нас уже не было в живых. Нас было трое. Анатолий Сальников, Анатолий Гаврилин и я. Лод-

ки строили сами из стеклопластика. Нарекли их «Вулканом» и «Гейзером». Шли днем и ночью по рекам и морям. Шли недели и месяцы. Двое в одной лодке. Один — в другой. Потом мы сменяли друг друга. Так что бодрствовали только двое. Так мы шли. Чаше на моторах. Нередко на веслах. Погибали много раз. Но по-настоящему погибли однажды. А то, что сейчас я пишу эти строки, — фантастика, больше того — абсурд. А если малость пофилософствовать, — то случайность. Ибо наша гибель — сама закономерность.

Шли мы по штормовой Балтике довольно далеко от берега. Горючее давно кончилось. Пришлось налечь на весла. По паре уключин и паре весел на каждую лодку. В тот самый миг я греб на «Вулкане», Толя Гаврилин на «Гейзере». А Сальников, которого я только что заменил, развернув на крохотной палубе карту, выискивал подводные скалы, многие из которых были обозначены картографами. Он то и дело выкрикивал: «Не подходи к берегу». Все побережье нафаршировано камнями. В середине моря хоть волны большие, но там безопаснее. А ближе к берегу сумасшедший прибой. Чем дальше от берега, тем мощнее волны, на которых плоскодонки держатся до тех пор, пока два девятого вала не схлестнутся друг с другом. Плоскодонку сначала швыряло в поднебесье, а затем бросало камнем в каньон, образовавшийся от «взрыва» волн. Картина мне хорошо знакомая.

Шел я однажды на плоскодонке от острова Карагинского до Камчатского берега по проливу Литке. И оказался в таком же каньоне. Меня бросило в одну сторону, перевернутую плоскодонку — в другую. И если бы я не был привязан длинным капроновым шкертом к лодке, то она, без сомнения, осиротела бы. Словом, я очень хорошо понимал Сальникова. Только ни Сальников, ни Бог не знали, что по Балтике носится полоска урагана. Не то «хвост», не то «голова». Об этом было написано после в газетах. И день указан, и даже час. Мы попали в эту самую полосу. Не то в «хвост», не то в «голову». Нас несло. Поднимало на высоту многоэтажного дома. Лодки вертелись, как плохие танцоры в вальсе.

В какой-то момент я поразился, что Гаврилин гребет спокойно, словно ничего и не происходило. Посмотрел на себя как бы со стороны и опять поразился. Тоже греб как ни в чем не бывало. Правда, гребли остервенело, до кровавых мозолей. Если бы мы хоть на мгновение бросили весла, то оно стало бы последним в нашей жизни.

Как мы ни старались, лодки несло к берегу. А то, что не задела ни одну из многочисленных скал, — явная случайность. Уже на самом берегу, где волны похожи скорее на шипящие фонтаны гейзеров-великанов, бьющих со дна, нас буквально сдуло с наших мест. Всех троих. Одновременно. Как по команде. Как только днища плоскодонок коснулись каменистого берега Балтики. Тут же очередная волна прибойа подхватила лодки, нас и подняла на пенистый гребень. Но и здесь нам повезло. Всех пятерых в конце концов выбросило на берег, не задев о торчащие, как столбы, камни.

Когда все уже было позади, когда нас одолевал хорошо знакомый пережившим кораблекрушение запоздалый, осознанный страх, я из походной аптечки достал желтые таблетки феноксиметилпенициллина и предложил ребятам выпить. Ничего больше в моей аптечке не сохранилось, кроме этого популярного тогда антибиотика, который «выжил» только потому, что был завернут в целлофановый мешочек. Ребятам я сказал, что это успокаивающее средство, что без него мы просто погибнем. А чтоб мне поверили, я первым выпил сразу две таблетки. Минуты через три Гаврилин сказал, что лекарство помогло, страх прошел. Словно и не было его.

* * *

...Сотни раз я переходил по замерзшей реке с одного берега на другой. Река называется Камчатка. Теперь уже трудно сказать: полуостров получил свое название от реки или река от полуострова. Это к тому, что мы, жители края, обычно уточняем предмет разговора: Камчатка-река или Камчатка-полуостров? Уточняя, речь идет о реке. Проходил я ее раньше и зимой, и летом от начала до конца, до устья, до Усть-Камчатска, до места впадения реки в Тихий океан. Так что переходил я замерзшую реку в том самом месте сотни раз. И всегда нормально. Перейдешь на другой берег, а там километра три до Усть-Камчатска. До районной больницы, где работает мой друг.

Шел я уверенно по льду, покрытому утоптанном снегом. Шел, согнувшись от морозного ветра, бьющего прямо в лицо. Метрах в десяти от берега меня не стало. Был — и не стало. Подо мной провалился лед, и я оказался в воде. Это было так неожиданно, что я сначала ничего не понял. Шел по морозу, занятый своими мыслями. И я вынырнул, ничего не соображая. Холодный воздух обжигал лицо, и от этого вода казалась парной, если не сказать горячей. Хватаясь за край льда, я ста-

рался вылезти на него. Лед у самой кромки ломался, крошился. Я пробовал еще и еще раз. И всякий раз лед ломался. Я понял, что в этом и есть спасение. Так я медленно, но верно приближался к берегу. Когда я почувствовал под ногами землю, то понял, что спасен, что мне повезло. Если бы я не вынырнул в собственную лунку, то меня успело бы пронести дальше. А там уже ничего не смог бы поделать. Понесло бы, как несет топляки в открытый океан. Я — топляк. Звучит.

Выбрался я на берег и пополз до тропинки на коленях, чувствуя, как вся моя меховая амуниция превращается в лед, в торос, в айсберг. Лицо жгло до боли. Почувствовал боль даже в глазах. В какой-то момент захотелось, как тогда на Каркаре, залезть обратно в воду. Кругом ни живой души. До поселка, а еще до больницы, рядом с которой жил мой друг, три километра. Спасение было в ходьбе. Только идти, только двигаться, Все остальное — смерть. И я шел, тащил на себе гору льда. Уже не чувствовал ни щек, ни носа, ни даже глаз, если, конечно, можно чувствовать глаза. Я только шел. Шел и не думал о том, дойду или нет. Я не мог отделаться от знакомого запоздалого страха. Меня могло пронести подо льдом несколько километров до устья, и делалось жутко не от сознания того, что погиб бы сразу же, а от того, что уже в самом океане стал бы кормом для рыб. И даже представил, какие именно рыбы съели бы меня. Самые что ни на есть идиотские мысли одолевали меня. Утонувшего в море человека вода в шторм раздевает догола. Так что стаи рыб без особого труда справятся с твоим телом-блюдом.

Коллеги долго возились со мной. И теплая ванна, и растирание спиртом, и чистый спирт внутрь, и чайник чая с вареньем из жимолости. Спал мертвым сном. Утром позволил себе дурацкие шутки. Мол, во какие мы, карабахцы! Сочинял дурацкие вирши типа: «Откуда, друг, в одной рубаше, в такой мороз суровый? — Издалека, из Карабаха, а там народ здоровый». Пижонство вперемежку с эйфорией. Откуда мне тогда было знать, что через неделю скривит рожу. Фациалис. Воспаление лицевого нерва. Глаз не закрывается. Половина лица не подчиняется моей воле. Уж лучше бы рыбам на корм. Парализована одна половина лица, а сморщилась — другая. Жидкая пища выливается обратно, течет по бороде. Не можешь выговорить пол-алфавита. Глаз круглый, красный, сухой. Уж лучше бы — с топляками до самого устья подо льдом. А лечение какое нудное! Не месяц, не два. Не десять уколов и не сто. Все бессчетно.

Пока продолжались вечные процедуры, я решил походить на работу. В конце концов, врачебный кабинет теплый. Да и пациенты приходят ко мне в основном те, кому нужно назначить процедуры. Кто после перелома, кто после инфаркта, а кто после фагиалиса. Явился ко мне один такой, как и я. Сел напротив меня. Скажет слово еле-еле, а я ему — точь-в-точь как он. Вижу, смотрит на меня с подозрением. А я забыл, что сам кривой. Я-то забыл, а он видит хорошо и глядит в оба. Наконец, когда он понял, что я не передразниваю, зло процедил, мол, сначала, доктор, свою рожу выпрями, а уж потом берись за чужие. И тут меня начал одолевать запоздалый страх. Вспомнил все подробности купания в проруби и уже не мог отделаться от страха перед будущим, страха лишиться любимой профессии. Кривой врач. Какой же это врач? Но вскоре «выпрямилась», как говорил мой пациент, рожа, и страх забылся. Словно и не было его.

* * *

...Трое моих детей не похожи друг на друга, но есть у них одно общее. Среди ночи все трое сбрасывают с себя одеяло. И я встаю, словно меня будит будильник. Два, а то и три раза за ночь. Недавно среди ночи, верный своей привычке, я опять на цыпочках переходил от одной детской кровати к другой, как почувствовал резкую боль в груди. Боль какая-то незнакомая, пронизанная животным страхом. Страхом смерти.

Я медленно подошел к своей постели. Лег, растирая левую половину груди, старался прогнать прочь унижающий собственное достоинство страх, но усилия были тщетными. Стыдно сделалось перед самим собой. Придя в себя от психологического шока, я взялся за медицинскую литературу. Прочитал кроме всего прочего о таком симптоме, как страх перед смертью. Симптом, который не зависит ни от воли человека, ни от каких-либо достоинств или недостатков. Симптом-рок. Симптом-фатализм.

Я должен был убить в себе этот проклятый симптом. Немедленно. До утра еще оставалось много времени. До утра, естественно, не мог сомкнуть глаз, боль не успокаивалась. Жену не хотел будить. Лекарств соответственных — никаких. Один только страх перед смертью. Вдруг я почувствовал, что кто-то из детей вновь сбросил с себя одеяло. Я лежал, смотрел в темноту и думал о том, что кто-то из детей лежит, не накрытый одеялом, свернувшись калачиком. Не мог заодно отделаться от

чудовищного страха, который усиливался всякий раз, как только усиливалась боль в груди. Силился встать, но тело словно было привязано к кровати. Как во сне, когда хочешь двигаться и не можешь. Решил напрячь силу воли, сосчитать до трех и встать. Ничего не получилось. Сосчитал до десяти. Опять ничего не вышло. Стыдно было перед собой. А боль все усиливалась, таща на поверхность все тот же страх перед смертью. Наконец, считая в очередной раз, поклялся детьми, что встану. Если не встану, то... И встал. Держась за сердце, я едва тащил ноги. Добрался до детской комнаты. У всех троих, как мне удалось разглядеть при сумеречном свете, постели были в порядке. И тем не менее я поправил все одеяла. И тут я понял, что никакого такого симптома смерти у меня нет. Все куда проще. Дети! Вот мой страх! Когда дети маленькие, твоя смерть — предательство. Предательство перед ними, которых ты обязан вырастить. Я смотрел на моих бесенят и чувствовал, как отпускает боль, как она затихает, как легче становится дышать.

К утру боль исчезла совсем. Не исчез только страх. Мой добрый страх, без которого нельзя жить дальше...